

©2013 г. *Мустафаев Ф.М.*

УДК 101

СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ И КОМПРОМИССЫ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО РЕГИОНА

Этнические межнациональные конфликты – это одна из разновидностей социальных конфликтов, формирующихся на почве национальной (этнической) принадлежности. Межнациональный конфликт проходит те же стадии становления и развития, что и другие конфликты, но имеет свои специфические особенности. Он способен проникать во все другие типы конфликтов, сформулировавшиеся по другим причинам и социальным направлениям.

В развитии межнациональных конфликтов большую роль играют различные национальные идеи, которые в перестроечные годы во многом являлись националистическими. Например, идея сепаратизма, национальной свободы и равноправия, восстановления погрязших национальных прав и интересов, создание национальной государственности, самостоятельности вплоть до выхода из состава России и т.д. Как правило, эти национальные идеи, с одной стороны, способствуют внутренней консолидации того или иного этноса, формируя при этом особо обостренное национальное самосознание, а с другой – более жестко обостряют и противопоставляют общающиеся национальности, выводя их на уровень дихотомической ценностно-смысловой направленности в оценках «своих» и «чужих». Двойной стандарт в подходах и оценках «своих» и «чужих» свойственен любому социальному конфликту, а на уровне межнациональных конфликтов этот закон социально-этнической психологии значительно усложняется и преувеличивается.

Различия в языках, верованиях, нормах, ценностях, символах, обычаях, традициях, стереотипах, национальных особенностях психологии, искусства, культуры, воспитания и т.д. при кризисном состоянии общества могут стать поводом или причиной возникновения межнациональных конфликтов. Начавшийся конфликт вызывает цепную реакцию, вовлекая

в свою сферу все новые и новые людские ресурсы. По образному определению В.А. Михайлова, межнациональные конфликты развиваются по принципу «воронки» [1, с. 57-58].

Следует отметить, что сегодня в этнологической литературе строгое и общепринятое определение межнациональных конфликтов отсутствует. Одни авторы считают, что любое противоречие между этносами следует считать конфликтом, полагая, что такие конфликты – от скрытых (латентных) до кровавых вооруженных столкновений – представляют собой спонтанно возникающие и проявляющиеся формы восстановления динамического равновесия в обществе. Другие специалисты полагают, что межнациональные конфликты – это лишь иллюзия или амальгама (смесь разнородных явлений и процессов), под тонким слоем которой скрыты обычные социальные интересы и притязания – интересы экономических групп, политических сил и криминальных объединений. Межнациональные конфликты, согласно этим взглядам, провоцируются указанными типами, можно сказать, по произволу – в любое время, в любом объеме и в любом месте [2; 3; 4].

Эти подходы к определению сущности межнациональных конфликтов едва ли могут быть вполне верными, но в каждом из них есть, разумеется, доля истины. Действительно, существуют не зависящие от желаний и воли людей условия и факторы, без которых никаких межэтнических конфликтов не могло бы быть: само наличие этносов с их сложным строением, неравномерность их исторического развития и распределения ресурсов, различия их социальных позиций в государстве и его институтах, наконец, этноцентрические установки и прочее. Однако наряду с этим в межэтнических конфликтах, как правило, обнаруживается присутствие провоцирующих и направляющих эти события факторов. Они обычно выступают скрыто от наблюдателей и иных социальных сил.

Межэтнические конфликты, получившие распространение в постсоветском пространстве, протекали в трех основных формах. *Первая* форма, с которой столкнулось общество, – стихийные конфликты, вспыхнувшие в разных местах страны: в Алма-Ате (1986 г.), Нагорном Карабахе, Сумгаите (1988 г.), Новом Узене (1989 г.); массовое изгнание азербайджанцев из Армении и армян из Азербайджана, дагестанцев из Казахстана и Грузии. Эти конфликты были стихийными столкновениями массового характера, в которых с

полной определенностью проявились чувства и эмоции этнической и национальной неприязни, враждебности и ненависти. Одновременно в них немалую роль играли чувства этнической солидарности.

Вторая форма конфликтов как бы выростала из первой. Затянувшиеся насильственные столкновения во многих случаях приобретали организованный характер. Из общей массы населения, задействованной в исходном эпизоде, выделялись боевики, т.е. группы добровольцев, преимущественно молодежи или мужчин в зрелом возрасте, объединявшиеся в вооруженные отряды, посвящавшие себя сознательно и намеренно борьбе за «национальное дело», «восстановлению попранной справедливости», отмщению за жертвы столкновений, защите интересов своих сограждан. Именно так карабахский конфликт превратился в длительную войну между республиками. В таком же направлении развивались и события в Приднестровье, а затем и в Чечне. Конфликты приобретали новый статус, когда в действия включались регулярные войска то ли с целью подавить возмущение, то ли с задачей прекращения насильственных действий, то ли в качестве особой силы, выступающей на «справедливой» стороне конфликта. При этом организованная военная сила государства, как показал опыт, наносила не меньший ущерб, чем тот, который был причинен на протяжении исходной фазы конфликта. Так обстояло дело в Тбилиси, Баку, Грозном.

Наконец, *третья* форма межнациональных конфликтов была связана с нарастанием межнациональной напряженности, возбуждением национальных чувств при недопущении стихийных насильственных действий. События развивались на основе демократического волеизъявления народа в форме митингов, демонстраций, акций протеста, голосований, избрания в законодательные органы, принятия соответствующих актов и законов в рамках ненасильственных действий. В основном именно так развивались события в Прибалтике.

Общим для всех трех форм было то, что причиной поступков людей и массовых действий было чувство национального единения, согласия с идеей ущемления национальных прав и глубокое переживание этой идеи, ощущение этой угрозы со стороны некоторой внешней или внутренней силы, противостоящей данной этнической или национальной группе. Чувства национального единения и противостояния оказались настолько мощными, что превратились в движущую силу конфликта.

Сравнительное изучение этнических конфликтов свидетельствует о том, что в их эволюции имеются повторяющиеся черты и этапы, позволяющие выделить некоторые закономерности:

- этничность – одна из наиболее ранних форм социальной организации общества и этноконфликты – древнейшая форма социальных конфликтов, сопровождающая всю историю человечества;
- этничность как таковая не является предметом свободного выбора. В подавляющем большинстве этот процесс определяется естественным образом: социально-этнической средой, принадлежностью родителей к той или иной национальности и т.д. Оформившись, национальное самосознание, национальные чувства очень часто заставляют человека действовать вопреки здравому смыслу. В этой ситуации люди своими действиями не только не улучшают, зачастую ухудшают, усугубляют этнические конфликты;
- этнические конфликты приобретают особую остроту, если их объекты имеют территориальный характер (владение территорией, землей, ее недрами). Например, этнический, межгосударственный конфликт между Азербайджаном и Арменией на почве проблем, возникших вокруг Нагорного Карабаха;
- этнические конфликты обладают способностью вовлекать в свою орбиту самые разные фрагменты социальной реальности, по своему происхождению далекие от этнических отношений, – классовые, экономические, правовые, экологические и т.д.

На Северном Кавказе нашли отражение все межнациональные противоречия и конфликты российской национальной политики. Здесь в настоящее время просматриваются все типы межнациональных конфликтов, поэтому Северный Кавказ принято считать наиболее взрывоопасной зоной напряженности в Российской Федерации [5, с. 85]. Взрывоопасность Кавказа предопределена и его географическим, и этноконфессиональным положением. В качестве форпоста христианской цивилизации здесь выступает Армения, исламской – Азербайджан, а на Северном Кавказе лидерами продвижения ислама (ваххабитского толка) стали Чечня и Дагестан.

В российском общественном сознании издавна сложился особый «образ Кавказа», излишне мифологизированный и довольно далекий от реальности,

который хоть косвенно и незначительно, но влияет на кавказскую политику современной России, на негативное восприятие представителей кавказских народов, приезжающих в центральную Россию. «Покорение Кавказа», а попросту говоря колонизация этого региона воспринимается народами Северного Кавказа сквозь «Кавказского пленника», «Беллу», Шамиля и Хаджи-Мурата. В определенном смысле русское восприятие Кавказа – литературно, литературно мистифицирован и «злой чечен», «злой дагестанец», сегодня превратившиеся в «лица кавказской национальности», которые «нас» грабят и убивают. Именно антикавказская мотивация сегодня, судя по данным социологических исследований, становится «ядром» этнонегативизма русских.

Этнополитическое состояние современного Северного Кавказа определяется рядом геополитических, долгосрочных и ситуативных факторов [6; 7; 8]. Следует заметить, что с учетом ряда противоречий национальной политики федерального центра по отношению к Северному Кавказу в регионах в целом сохраняется относительная устойчивость и общероссийская идентичность. Идеи сепаратизма сколько-нибудь влияния на национальное сознание и настроение в субъектах округа не оказывают. В то же время общественно-политическая ситуация в Северокавказском регионе складывается неоднородно и неоднозначно.

Несколько подробно рассмотрим проблему на примерах отдельных субъектов Северного Кавказа. Например, Республика Адыгея (далее РА) в административно-территориальном плане долгое время входила в состав Краснодарского края. Она значительно далеко расположена от Дагестана (в пределах 1000 км). Является одним из малых национально-территориальных субъектов Юга России, но РА имеет множество скрытых и явных межэтнических противоречий, хотя ее принято здесь считать одним из самых спокойных и стабильных регионов. Особенность РА заключается в том, что так называемая титульная нация – адыгейцы – составляют чуть более 23% населения, а русские – более 66%. Этническая структура населения служит одним из факторов политической стабильности, хотя и создает своеобразный комплекс проблем.

В начале 90-х гг. события в Абхазии, в которых добровольцы-адыгейцы принимали активное участие на стороне родственных абхазов, артикуляция идеи воссоздания Великой Черкесии, идеи возрождения казачества привели к значительному нарастанию конфликтогенного потенциала в регионе. Во вре-

мя стабилизации положения возникла необходимость законодательного закрепления системы этнического паритета, которая включает: 1) равное представительство титульного адыгейского и русскоязычного населения (казачества) в управленческих структурах республики (50/50); 2) формирование избирательных округов на основе компактных поселений адыгейцев; 3) билингвизма в государственном управлении, делопроизводстве и СМИ [9].

В то же время латентная напряженность в республике нарастает. Система межэтнического паритета здесь, как отмечают исследователи, носит несколько условный и даже временный, переходный характер. Не без основания эта идея воспринимается русским и неадыгским населением как дискриминационная. Кроме того, за последние годы имели место случаи вытеснения из более влиятельных постов во всех ветвях власти лиц неадыгейской национальности. Власти РА ограничивают приток в Адыгею людей других национальностей, хотя ст. 10 Конституции РА гарантирует «право на возвращение на историческую родину проживания за пределами РФ соотечественников: адыгской диаспоры», которая в странах Ближнего Востока насчитывает более 1,5 млн. человек (по некоторым данным до 3 млн.).

В этой связи можно осторожно попытаться прогнозировать процесс развития ситуации в РА. Если пойдет процесс массовой репатриации (возвращения) адыгов, то общественно-политическая ситуация в РА вполне может пойти по сценарию дальнейшего обострения, вплоть до взрывоопасной. Причем речь идет не только о возможных столкновениях русскоязычного населения с адыгами, но и между «местными» адыгейцами и адыгейцами-репатриантами, менталитеты которых достаточно несхожи. Пока надежды некоторых лидеров национальных движений на массовое переселение адыгейцев не оправдались. Адыгея не оказалась для них экономически, политически и духовно привлекательной. Руководство республики пока контролирует и ориентирует ситуацию в этнополитическом стабильном развитии. Поэтому можно говорить о том, что в РА стабильность носит не столь устойчивый, естественный, необратимый, а функциональный, относительный, несколько неустойчивый характер. Например, если в России в течение ряда лет будет еще продолжаться социально-экономический и политический кризис, обострятся межэтнические противоречия на Северном Кавказе и в Абхазии, то РА вполне может выйти из состояния равновесия и стабильности [10, с. 93-94].

В Дагестане по-своему отразились «высота» и вариант межнациональных конфликтов. В 1990 г. обострилась напряженность между народами Дагестана в его северной зоне (кумыки, чеченцы, лакцы, аварцы, терское казачество). В частности, кумыкское национальное движение «Тенглик» (равенство) стало выдвигать идею суверенизации, фактически ведя борьбу за ресурсы, за ущемленные их права на землепользование в связи с переселением из горных районов республики неограниченного количества населения других национальностей в места традиционного проживания кумыков. В 1992 г. между кумыками, аварцами, лакцами напряженность достигла самой высокой отметки, состоялись массовые митинги кумыков с объявлением голодовки определенной части населения на центральной площади столицы Дагестана.

В тот период не менее «горячо» действовало лезгинское национальное движение «Садвал» (единство), которое инициировало вопрос фактически нереального характера – объединение территории проживания лезгин Дагестана и Азербайджана и создания единой Республики Лезгистан в составе РФ. Ногайцы до сих пор продолжают выдвигать идею о необходимости создания своей государственности. Территория, на которой живет народ, сейчас разделена между Дагестаном, Карачаево-Черкесией, Чеченской республикой, Ставропольским краем. Их национальное движение «Бирлик» (объединение) продолжает искать какие-то реальные способы объединения территорий и создания на этой основе своей национальной формы самоуправления. В северной зоне Дагестана свои организации имеют и терские казаки. Лидеры нижнетерского казачества в тот период также стали выдвигать вопросы их территориальной автономизации и т.д. [11; 12].

Известно, что Дагестан является самым полиэтническим регионом не только Северного Кавказа, но и всей России. Он специфичен и в религиозном плане, здесь имеют традиционное распространение ислам, православие и иудаизм. Сегодня нигде в России не имеет возрождающийся ислам таких больших успехов, как в Дагестане. И следует заметить, что события последних лет в республике развиваются не в пользу этнополитической стабильности. Появившиеся в 90-е гг. в республике ваххабитские анклавы (Карамахи, Чабанмахи, Кадар, Губден и т.д.) стали вести активную антиобщественную пропаганду.

Прикрываясь лозунгами исламизации Чечни и Дагестана с дальнейшим их объединением и созданием на их территории единого исламского государства, они фактически выступали против традиционного (тарикатского) ислама и дружбы народов Дагестана, стали открыто выступать против законно избранного и добровольно выбранного абсолютным большинством всех народов Дагестана Конституционного строя, то есть Президента республики, Правительства и Народного собрания РД. Стали организовывать общественные беспорядки, митинги, участились случаи похищения людей, взрывы домов и т.д. И все это продолжает нарастать при значительном попустительстве как местных, так и федеральных властей.

В дагестанском обществе в этот период образовалась такая ситуация, которую можно назвать ситуацией «вакуума ценностных ориентаций», когда народ не мог разобраться в исторических, классических ценностях, отношениях к традиционному исламу, дружбе народов Дагестана и т.д. Ваххабиты фактически получили негласную санкцию, они стали выдвигать свои требования к властным структурам, объединяться и находить взаимопонимание и поддержку на уровне отдельных общественных национальных лидеров и даже в кабинетах некоторых госчиновников. Антиобщественные события на центральной площади в Махачкале под руководством братьев Хачилаевых, их попытка установить на здании Госсовета республики исламский флаг явно веяли антигосударственным, антиконституционным переворотом в Дагестане с дальнейшим установлением здесь исламской республики ваххабитского толка. Уничтожение вторгшихся бандитских формирований Басаева и Хаттаба в августе и сентябре 1999 года в Ботлихский и Новолакский районы Дагестана, их разгром и во многом физическое устранение отдельных структур значительно сплотили дагестанское общество, повысился авторитет властных структур республики под руководством тогдашнего Председателя Госсовета РД М.М. Магомедова, восстановилась в общественном сознании дагестанцев общедагестанская, общероссийская идентификация.

В сложившихся условиях следует особое внимание уделить проблеме компромиссов и соглашений. Межнациональные и межконфессиональные компромиссы и соглашения обеспечивают максимальное удовлетворение всех заинтересованных сторон. Это согласование и примирение разнонациональных и разноконфессиональных убеждений и интересов; и достижение

на этой основе относительного спокойствия ценой временных уступок. Мы можем утверждать, что все виды «худого мира» в этих специфических отношениях лучше «доброй ссоры». Идеальным миром было бы примирение убеждений, компромисс же – первый шаг по наилучшему пути к этому идеалу, отказ убеждений поглотить или истребить друг друга, или желание межэтноконфессионального мира.

Межэтноконфессиональный компромисс – это и снисходительное, терпимое (толерантное) и эмпатичное (сочувствующее) отношение друг к другу людей различных общностей, верований, интересов и убеждений. В процессе достижения межэтноконфессионального компромисса происходит согласование интересов и убеждений с чужими интересами и убеждениями. Здесь мы всегда должны учитывать взгляды, позиции и интересы оппонента, это выгодно, хотя трудно. «Совершая шаг к выгоде, мы совершаем шаг к примирению межэтноконфессиональных конфликтов». Необходимо иметь в виду, что учитывать чужие интересы, находить компромисс с внешним миром, представляя общедагестанские интересы – это всегда должно быть в наших собственных интересах. Отсюда – у национальных лидеров не должно быть корыстных, национально-амбициозных интересов. Это аморально в политике. Межнациональный компромисс должен составлять их основную моральную ценность. Идеальное примирение убеждений возможно на базе межэтнической и межконфессиональной терпимости (толерантности), то есть общего убеждения в том, что межнационально и межконфессионально добрые отношения друг к другу есть первое и главное всех достойных убеждений [13, с. 71; 14].

ЛИТЕРАТУРА

1. Михайлов В.А. Принцип «воронки», или Механизм развертывания межэтнических конфликтов // Социологические исследования. 1993. №3.
2. Авксентьев В.А. Этнические конфликты: история и типология // Социологические исследования. 1996. №12.
3. Дробижева Л.М. Этнополитические конфликты. Причины и типология // Россия сегодня: трудные поиски свободы. М., 1993.

4. *Здравомыслов А.Г.* Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М., 1997.
5. *Аклаев А.Р.* Этнополитическая конфликтология. Анализ и менеджмент. М., 2005. С. 85.
6. *Авксентьев А.В.* Северный Кавказ: сегодняшние реалии и опыт этнополитического прогноза // Этнические проблемы современности. Ставрополь, 1999. Вып. 4.
7. *Смирнов А.Н.* Этнополитические процессы на Северном Кавказе: особенности и основные тенденции. Автореф. диссерт. на соиск. уч. ст. канд. политич. наук. М., 2000.
8. *Хоперская Л.Л.* Этнополитические процессы на Северном Кавказе. Ростов н/Д., 1997.
9. *Авксентьев В.А.* Этническая конфликтология. В двух частях. Ставрополь, 1996.
10. Проблемы этнополитики и политологии. Ростов н/Д., 2000.
11. *Кисриев Э.Ф.* Национальность и политический процесс в Дагестане. Махачкала, 1998.
12. *Арухов З.С.* Россия и Дагестан в новом геополитическом пространстве. Махачкала, 2006.
13. *Алиев А.К., Юсупова Г.И.* Межнациональное согласие как фактор обеспечения стабильности общества в условиях многонационального Дагестана. Махачкала, 1998.
14. *Абакарова Р.К.* Формирование добрых человеческих отношений: интегративный подход. М., 2010.

L I T E R A T U R E

1. *Mikhailov V.A.* The principle of the "funnel" or trigger to the ethnic conflict // Sociological Research. 1993. Number 3.
2. *Avksentyev V.A.* Ethnic conflict: history and typology // Sociological Research. 1996. Number 12.

3. *Drobizheva L.M.* Ethnic and political conflicts. Causes and typology // Russia today: the elusive search for freedom. Moscow, 1993.
4. *Zdravomyslov A.G.* Ethnic conflicts in the post-Soviet space. Moscow, 1997.
5. *Aklaev A.R.* Ethnopolitical conflict. Analysis and Management. M., 2005.
6. *Avksentyev A.V.* North Caucasus: current realities and experiences of ethnopolitical prediction // Ethnic issues of the day. Stavropol, 1999. No. 4.
7. *Smirnov A.N.* Ethno-political processes in the North Caucasus: features and major trends. M., 2000.
8. *Khoperskaya L.L.* Ethno-political processes in the North Caucasus. Rostov-on-Don, 1997.
9. *Avksentyev V.A.* Ethnic Conflict. In two parts. Stavropol, 1996.
10. Problems of ethnic politics and political science. Rostov-on-Don, 2000.
11. *Kisriev E.F.* National and political processes in Dagestan. Makhachkala, 1998.
12. *Arukhov Z.S.* Russia and Dagestan in the new geopolitical space. Makhachkala, 2006.
13. *Aliyev A.K., Yusupova G.* International harmony as a factor of social stability in a multinational Dagestan. Makhachkala, 1998.
14. *Abakarova R.K.* Formation of good human relations: an integrative approach. Moscow, 2010.

*Дагестанский государственный
педагогический университет, Махачкала*

15 февраля 2013 г.